
ФЕНОМЕН ЦЕННОСТНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ПЛАНЕТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ*

Лебедев А. Н.**

В статье рассматриваются психологические факторы формирования так называемого планетарного мышления, препятствующие решению глобальных проблем цивилизации. В частности, подробно проанализирован феномен ценностно-аффективной поляризации, который психологи начали изучать во второй половине XX в. в рамках теории групповой поляризации французского социального психолога С. Московичи. Утверждается, что поляризация определяется природой сознания и возникает в силу субъективности ценностных суждений и большого количества когнитивных искажений и ошибок. Представлен новый подход к изучению причин ценностно-аффективной поляризации, основанный на признании роли высших социальных эмоций. В статье также говорится о необходимости нового научного направления – психологии глобальных проблем и планетарного мышления.

Ключевые слова: планетарное мышление, групповая поляризация, ценностно-аффективная поляризация, когнитивные искажения, высшие социальные эмоции (чувства).

THE PHENOMENON OF VALUE POLARIZATION AND THE PROBLEM OF PLANETARY THINKING

The article examines the psychological factors of so-called planetary thinking, which hinder the solution of global problems of civilization. In particular, it is the phenomenon of value-affective polarization, which psychologists began to study in the second half of the twentieth century. The researches which were being provided within the framework of the theory of group polarization under the guidance of French social psychologist S. Moscovici, is analyzed in detail. It is argued that polarization is determined by the nature of consciousness and arises due to the subjectivity of value judgments and a large number of cognitive distortions and errors. A new approach to the study of the value-affective polarization based on the recognition of the role of higher social emotions is presented. The article also talks about the need for a new scientific direction – the psychology of global problems and planetary thinking.

* Статья подготовлена в рамках научного проекта при поддержке РФФИ (№ 21-011-31400 опн, «Феномен ценностно-психологической поляризация населения и проблема стабильности-нестабильности российского общества»).

** Лебедев Александр Николаевич – д. психол. н., в. н. с. Института психологии РАН. E-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru.

Alexander N. Lebedev – Doctor of Psychology, Leading Research Fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science. E-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru.

Keywords: *Planetary thinking, group polarization, value-affective polarization, cognitive distortions, higher social emotions (feelings).*

Введение

С каждым веком жизнь на планете многократно усложняется и человечество сталкивается с глобальными проблемами: экологическими и техногенными катастрофами, угрозой ядерной войны, терроризмом, парниковым эффектом и другими [Чумаков, Штарк 2019]. Однако некоторые психологи называют еще одну проблему, которая в научной литературе обычно не фигурирует в качестве глобальной. Это отсутствие у населения Земли необходимого для жизни в новом мире планетарного мышления [Лебедев 2020].

Во второй половине XX в. эйфория по поводу «особого или высшего предназначения» человека и человечества во Вселенной заметно уменьшается. Выяснилось, что мы живем в мире, который в тысячи раз сложнее и в миллиарды раз больше, чем полагали наши предки. К началу XXI в. в связи с активностью исламского фундаментализма становится очевидным, что религии как форма мышления перестают играть системообразующую роль в мировой культуре и часто становятся триггером для военного противостояния больших социальных групп, этносов и даже стран, например христианских и исламских. Идеология большинства религий, и не только мировых, публично отрицаемая религиозными иерархами, призывая «вернуться к истокам и заветам», на деле направляет цивилизацию на замедление научно-технического прогресса и постепенно становится серьезным препятствием на пути к осознанию и поиску решений глобальных проблем. Этому также способствует и разнообразие религий, которых исследователи насчитывают от 500 до 5000 [Хитченс и др. 2020].

Несмотря на огромный технологический скачок, который сделала цивилизация на рубеже XX–XXI вв., она по-прежнему разделена по интересам отдельных государств стран, наций, культур и пр. и все еще не может принять тот бесспорный факт, что мир вступил в новую фазу своего развития – фазу глобальных изменений [Чумаков 2011]. Однако что же мешает людям мыслить интересами планеты и можно ли дать этому не только философское, экономическое или политическое, но и какое-либо психологическое объяснение? И почему процесс перехода мышления представителей биологического вида *Homo sapiens* на планетарный уровень идет намного медленнее, чем темпы роста глобальных проблем?

Биологическое, социальное и природа когнитивных искажений

В настоящее время все больше ученых приходят к мысли, что планетарному мышлению препятствует сама природа человеческого сознания. Успехи экономической и когнитивной психологии разрушили представление о рациональности и разумности человека как социального животного [Kahneman *et al.* 1982]. Были проведены многочисленные экспериментальные исследования и описаны многочисленные когнитивные искажения, которые свойственны мышлению любого человека независимо от его образования, профессии или уровня интеллектуальных способностей. Как известно, за такие исследования психологу Д. Канеману и экономисту В. Смиту в 2002 г., а также экономисту Р. Талеру в 2017 г. были присуждены Нобелевские премии по экономике [Kahneman, Tversky 2000].

В этих и других исследованиях было описано несколько сотен когнитивных искажений (типичных ошибок мышления человека). В частности, это: ошибки репрезентативности, атрибуции, «выжившего», эффект привязки к числу, контраста, авторитета, фокусировки, ореола, эффект Даннига – Крюгера, иллюзия контроля, прокрастинация, амплификация, фрейминг и очень многие другие.

По мнению историка Ю. Н. Харари, основными качествами представителей вида *Homo sapiens* является, с одной стороны, способность верить в то, чего объективно не существует, а с другой – объединяться в невероятно большие и хорошо организованные группы, слаженные действия которых определяются не инстинктами, а способностью верить в это объективно не существующее [Harari 2011]. Здесь можно добавить еще один важный фактор, которому обычно не уделяют особого внимания, но который имеет прямое отношение к рассматриваемому нами феномену. Это чрезвычайная вариативность и универсальность человеческого организма.

Природная уникальность нашего мозга обеспечила нам не только способность к прямохождению и другим сложным формам перемещения в пространстве (бег, прыжки, лазание по деревьям и горам, плавание и пр.), но и возможность перерабатывать невероятно большие объемы информации. Человеческий мозг обладает уникальной способностью к речевой деятельности и сложным формам мышления, причем не только к наглядно-действенному мышлению, но и наглядно-образному, образному (визуальному) и – главное – словесно-логическому, или абстрактному [Выготский 2019]. И тем не менее почему-то человечество оказывается неспособным психологически принять факт глобализации современного мира и начать мыслить не категориями отдельных групп, а категориями планетарного мышления.

И здесь вновь актуальной становится древняя проблема разума и инстинкта [Декарт 1989]. В настоящее время точно установить, что в современном человеке определяется его биологией, а что – усвоением социального опыта (социализацией), не представляется возможным. Это получило в науке название социобиологической или психосоциальной проблемы. Споры последователей двух глобальных, во многом полярных концепций, объясняющих существование мышления и речи и ведущих свое начало от Л. С. Выготского, Б. Скиннера, с одной стороны, и Н. Хомского – с другой, не прекращаются и по сегодняшний день, однако ни одно современное учение о психике сегодня уже не отрицает тот факт, что в сознании людей постоянно возникают связи между явлениями, которые в реальности существенной и объективной связи не имеют и формируются на основе когнитивных искажений, на что указывали еще Л. Леви-Брюль, Э. Тайлор, Дж. Фрезер и другие исследователи психологии индивидуального и коллективного сознания [Леви-Брюль 2000; Тайлор 2021; Фрезер 2001].

Сочетание уникальных природных способностей и этих специфических особенностей сознания *Homo sapiens* парадоксально оказалось пригодным для того, чтобы вид фактически стал хозяином планеты и достиг невероятной численности в 7,5 миллиардов особей. Тем не менее многим исследователям это не мешает утверждать, что социальный опыт, позволивший людям выжить в сложных условиях прошлого, сегодня уже не является неременным условием выживания. В силу возникновения новых промышленных и информационных технологий этот

опыт, наоборот, создает условия, при которых судьба человечества и даже сам факт его существования оказываются под большим вопросом.

И для этого есть основания, поскольку инстинкты, какими бы они ни были у человека или животных, никогда не приводят к самоуничтожению – иначе это бы противоречило принципу естественного отбора. Однако сознание как интериоризация накопленного в культуре социального опыта обладает свободой воли, которая непредсказуема, а значит, сознание может порождать идеи, в которых выживание как цель существования вида однозначно не задана [Выготский 2019].

В отличие от инстинктов, сознание не свободно от принципа удовольствия, и в связи с этим часто порождает логических монстров, например, религиозную идею спасения души и загробной жизни, смерти ради «всеобщего счастья», как подвига или мести врагам: «Они погибли, а мы попадем в рай». И сегодня совсем не очевидно, что человечеством управляет какой-то коллективный инстинкт выживания и самосохранения. По крайней мере, это не зафиксировано как некий однозначно доказанный научный факт.

Ценности и психология сознания

Вопрос о планетарном мышлении с точки зрения современной психологии оказывается неоднозначным и совсем не простым. Основная причина – это противоречивость индивидуальных и социокультурных ценностей. В рамках рассматриваемой проблемы мы обязаны определить ценность только как нечто индивидуальное и субъективное, не обременяя себя дискуссиями о том, что является объективно ценным или объективно не представляющим никакой ценности для конкретного человека и для общества в целом.

В психологии ценное для человека имеет лишь одну – субъективную – природу. Среди многочисленных определений понятия ценности нас привлекают в данном случае только те, в которых утверждается, что ценности не могут рассматриваться в дихотомии «истинно – ложно». По этой причине в дискуссиях между людьми им чаще всего и не удается доказать друг другу, как будет «на самом деле» или как «должно быть на самом деле».

Такие примеры сплошь и рядом встречаются в ситуациях морального выбора. В частности, можно привести известный философский парадокс Канта – Констана, который лег в основу целого направления в экспериментальной психологии и получил название «парадокса вагонетки» [Поддьяков 2011]. В задаче, предложенной И. Кантом, нет объективного решения, так как невозможно логически или как-либо иначе доказать, как следует поступить в описанной им ситуации и как будет поступить «правильно» или «неправильно». Следует отметить, что и сам И. Кант предложил решение парадокса, которое сегодня уже невозможно считать очевидным [Кант 2001].

Например, невозможно однозначно определить, какую форму организации людей следует считать не только наилучшей и эффективной, но и «правильной» с точки зрения ценностных суждений – эгалитаризм или жестко заданную сословность или даже кастовость. Опыту цивилизации представлены и те и другие формы правления, которые в одни периоды истории были прогрессивными, а в другие сдерживали общественное развитие. При этом в той или иной форме они существуют в мире одновременно и по сей день. Также невозможно, например, убе-

дительно доказать, что является истиной: требование защищать свободу любой отдельной личности в ущерб большинству или следование принципу «человек обязан жертвовать личным благополучием ради интересов общества».

То есть критерия «правильного или неправильного» в ситуации, где употребляется термин «ценностный», в психологии не существует. Отсюда конфликты между людьми: от философских или идеологических дискуссий до политических баталий и религиозных войн. Есть тысячи ситуаций, когда что-то бывает ценным для одних и абсолютно бесполезным или даже вредным для других. Поэтому очень часто доказать в дискуссиях, что одно лучше другого, практически невозможно. Недоказуемость истинности и отсутствие бесспорных и абсолютных ценностей – это наиболее важные выводы для понимания феномена поляризации людей в социальных группах [Лебедев 2021].

Групповая поляризация как процесс дифференциации и интеграции ценностей

Если в культуре возникает много представлений о мире, то почему бы им не сосуществовать, одновременно и параллельно? Однако здесь проявляется своеобразный *закон ценностной поляризации*, в соответствии с которым различия во взглядах людей по определенному вопросу в первоначально однородной социальной общности постепенно стираются и раздваиваются на противоположные по своей сути. Что же такое поляризация, почему она возникает, насколько широко распространена, почему иногда превращается в поляризацию аффективную и какое значение имеет для решения проблемы формирования планетарного мышления?

Если взять любую группу людей, например, экономически и политически развитую демократическую страну, то обнаружится, что ее население весьма вариативно и очень часто высказывает разнообразные мнения практически по любым вопросам. Однако при более детальном изучении мы найдем тему, в рамках которой эти мнения будут противоположными. Если мы еще глубже рассмотрим ситуацию то наверняка столкнемся с тем, что на самом деле таких групп окажется не две, а три. И если две группы в процессе взаимодействия стабильно придерживаются противоположных точек зрения, то представители третьей обычно колеблются между первыми и вторыми. По истечении некоторого времени мы обнаружим феномен, который и получил в социальной психологии название групповой поляризации [Moscovici, Zavalloni 1969]. Интересно, что если лидеры мнений меняют свою позицию на противоположную, то чаще всего поляризация групп сохраняется и выделяются новые лидеры, которые ее поддерживают.

Таким образом, термином «поляризация» в психологической, социологической и политологической литературе обозначают явление, возникающее в условиях взаимодействия людей, в результате которого различия в их взглядах создают ситуацию стабильного межгруппового противостояния по наиболее важным вопросам экономической, политической, социокультурной и иной жизни общества [Wagner, Russo 2021; Jungkunz 2021].

Здесь вполне очевидно, что различия между представителями разделенных в пространстве и времени этносов, стран, политических систем, религий и пр. не включаются в это понятие, поскольку исторически они формируются независимо

и не являются результатом непосредственного взаимодействия субъектов, первоначально входящих в одну социальную группу.

Иными словами, если мы сравниваем различия в ценностях и оценках, например, граждан Канады и Таиланда, это в психологии не обозначается ценностной поляризацией, несмотря на то что ценности существенно различаются. Поляризацией признается процесс, когда внутри одной первоначально однородной социальной группы происходит процесс дифференциации, а затем интеграции ценностей и оценок вокруг одного из противоположных полюсов. В этом случае происходит обмен аргументами представителей противодействующих групп, защищающих собственный вектор ценностей. В наиболее неблагоприятных условиях ценностная поляризация трансформируется в поляризацию аффективную [Wagner, Russo 2021; Iyengar *et al.* 2019].

Подчеркнем, что групповая поляризация характерна только для людей. У животных, прежде всего социальных, которые нам биологически ближе, исследователи ее обычно не обнаруживают. Как правило, любая стая управляется одним вожаком, и двоевластие здесь весьма сомнительно. То есть у людей есть нечто такое, что отличает нас от остальных живых существ, даже самых интеллектуально развитых.

Как утверждает теория, поляризация возникает в силу особых социально-психологических механизмов групповой динамики и происходит постепенно. При этом противостоящие подгруппы составляют, как правило, меньшинство. В группе условно нейтральных (или колеблющихся) чаще всего оказывается численное большинство. Меньшинство всегда более активно. Оно управляет большинством и старается перетянуть его на свою сторону. Причем, как показывают исследования, этот феномен может проявляться в группах любого размера: от малой группы до населения большой страны. Происходит это по очень похожему сценарию, с той лишь разницей, что чем больше группа, тем больше уходит времени на ее поляризацию [Лебедев, Гордякова 2019].

Примерами здесь являются разногласия между различными правящими партиями (например, в США это республиканцы и демократы), верующими и атеистами, сторонниками традиционных ценностей и трансгуманистами, теми, кто жестко выступает за массовую вакцинацию и против нее, кто поддерживает толерантность и не поддерживает и т. д. Таких ситуаций в жизни людей может быть очень много, и они всегда будут возникать в ситуации ценностной неопределенности, когда предмет спора не может быть оценен однозначно по критерию: «правильно-неправильно» или «истинно-ложно». При этом можно говорить о разных уровнях поляризации. Она может быть локальной (по сравнительно частным или незначительным вопросам), но может охватывать население страны или даже планеты в целом (по глобальным проблемам).

В социальной психологии феномен поляризации начали детально изучать на рубеже 60–70-х гг. XX в. на малых социальных группах благодаря выдающемуся французскому социальному психологу С. Московичи. До этого момента подробно изучали лишь групповую динамику и межгрупповые отношения, не выделяя феномен поляризации как самостоятельный предмет исследования. В 1961 г. американский психолог Дж. Стоунер описал явление «сдвига к риску» (*the risky shift phenomenon*). Суть открытия состояла в том, что группа чаще всего принимала

более рискованные решения, чем отдельные ее члены. В 1969 г. С. Московичи и М. Заваллони опубликовали статью, где утверждали, что «сдвиг к риску» – это частный случай феномена «групповой поляризации» [Moscovici, Zavalloni 1969].

Феномен, как его описывал С. Московичи, состоял в том, что в многочисленных лабораторных социально-психологических экспериментах в процессе эмоционально насыщенного обсуждения спорных вопросов (дискуссий) группы неизбежно делились на две непримиримые подгруппы и занимали по всем вопросам противоположные позиции. Объективно подкрепленные фактами, очевидные и логически выстроенные аргументы оппонентов игнорировались и не принимались во внимание. Более того, в условиях поляризации человек, занявший определенную позицию и публично заявивший о ней, как правило, уже не принимал противоположную. Он лишь «убеждается в собственной правоте». И его позиция со временем становилась все более прочной независимо от доводов оппонентов.

Изменение убеждений было возможно лишь в исключительных случаях и требовало невероятных усилий со стороны экспериментатора. При этом участники дискуссии, у которых первоначально не было собственной позиции, в процессе обсуждения могли встать на сторону той подгруппы, которая казалась им более убедительной.

Некоторое время для описания наблюдаемого феномена в лаборатории С. Московичи использовались два термина: групповая поляризация и групповая экстремизация. Однако постепенно исследователи стали говорить лишь о поляризации в социальных группах, выделяя ее различные типы. Для описания случаев снижения поляризации применялся термин «групповая нормализация», однако данному процессу в исследованиях С. Московичи уделялось гораздо меньше внимания, так как нормализация встречалась крайне редко. Например, если в определенных условиях лидеры поляризованных подгрупп меняли свою позицию, то поляризация не обязательно исчезала и в группе не обязательно возникала нормализация. Очень часто лидеры просто теряли свой авторитет и переставали ими быть.

В теории С. Московичи феномен групповой поляризации часто рассматривается одновременно с феноменом влияния меньшинства и большинства на мнение группы в целом. В соответствии с теорией, меньшинство обладает «большой новизной», нежели большинство, поэтому оно имеет и более сильное влияние. Вследствие этого именно меньшинство способствует любым социальным инновациям и переменам [Moscovici *et al.* 1969].

Для объяснения феномена поляризации и его проявлений создавались различные модели. Так, в соответствии с одной из них (когнитивной), поляризация в группе возникает вследствие информационного влияния членов группы друг на друга. То есть во время обсуждения спорных вопросов знания оппонентов объединяются в общий «банк информации». Когда у участника дискуссии складывается некое мнение по обсуждаемым вопросам, он выбирает аргументы из этого «банка» и защищают позицию, соответствующую одному из полюсов.

Другая модель (нормативная) исходила из того, что участники дискуссии полагаются на позиции других членов группы в большей степени, чем на аргументы и информацию. Они пытаются выяснить мнение окружающих и после этого высказывают свое. Здесь говорили о роли идентификации с группой и взаимоотношений дискутирующих. В этом случае участники обсуждения, желая добиться

расположения тех, с кем они себя идентифицируют, стараются как можно сильнее подчеркнуть разногласия и различия во взглядах на проблему. Затем они занимают позицию тех, кого считают «своими». Намерение понравиться другим людям и быть принятым «своими» приводит к тому, что человек выдвигает более весомые и жесткие аргументы, что способствует усилению групповой поляризации [Van, Lyn 2009].

Многие авторы, изучая, почему люди не желают отказываться от собственной точки зрения в условиях поляризации мнений, рассматривали понятие предвзятости подтверждения (confirmation bias) – тенденцию человека искать и интерпретировать такую информацию или отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его убеждениями или гипотезой. Это объяснялось систематической ошибкой индуктивного мышления (когнитивным искажением). Эффект проявляется сильнее в отношении «эмоционально значимых вопросов и глубоко укоренившихся убеждений». Было показано, что склонность к подтверждению влияет на излишнюю самоуверенность человека в собственных суждениях [Myers 1999].

За последние полвека в социальных науках, включая социальную и политическую психологию, интерес к различным видам поляризации больших групп резко возрос. Во многом это связано именно с социальными, экономическими, политическими, экологическими и другими глобальными процессами, которые в настоящее время происходят в мире [Boxell *et al.* 2020; Druckman *et al.* 2021; Iyengar *et al.* 2019; Jungkunz 2021; Wagner, Russo 2021].

Проблема формирования планетарного мышления и общественная психология

За несколько последних десятилетий теория групповой поляризации С. Московичи получила развитие на основе новых эмпирических данных. Также появились новые модели, объясняющие природу ценностно-аффективной поляризации в группах. При этом не всегда было понятно, почему члены поляризованных групп не хотят менять свою точку зрения, несмотря на очевидность и убедительность аргументов оппонентов. Ведь именно это «упорство» мешает нормализации отношений в группах и является одним из основных факторов, препятствующих формированию планетарного мышления.

Действительно, многое в жизни людей определяется ценностями, которые невозможно однозначно определить как «правильные» или «неправильные». Но ведь хорошо известно, что такие различия при благоприятных условиях вполне уживаются между собой. Почему тогда на новом этапе развития цивилизации не исчезают разногласия, не прекращаются конфликты и даже войны, которые не всегда обусловлены очевидными экономическими интересами или политическими амбициями диктаторов и авторитарной властью? Почему многие страны разобщены настолько, что пути выхода из конфликтов, возникающих между ними, сегодня невозможно определить даже с помощью мощнейших компьютерных программ?

Ответ на этот вопрос одновременно оказывается и простым, и очень сложным. В соответствии с новой моделью все это может быть связано с той составляющей сознания особой биологического вида *Homo sapiens*, которую психологи

относят к так называемым высшим социальным эмоциям, или чувствам [Naragi 2011]. Сегодня есть все теоретические и эмпирические основания полагать, что происходит это потому, что люди обладают некоторыми особыми чувствами, которыми не обладают животные, включая высокоорганизованных и социальных. В частности, речь идет о чувствах собственного достоинства, стыда и гордости [Лебедев, Гордякова 2020; Tomkins 1962]. Действительно, человек не может испытывать чувство стыда или гордости, например, по отношению к письменному столу или табуретке. И даже к животному, разумеется, если оно не воспринимается как существо, идентичное человеку (когнитивное искажение), такие чувства не возникают.

В настоящее время не только экономика и политика, но и психология людей определяют основные процессы в современном глобальном мире, поэтому было бы неправильно недооценивать психологические факторы, ограничиваясь лишь экономическими и политическими. И для этого есть объективные основания. С появлением цифровых технологий, компьютерной техники и Интернета способы общения людей изменились принципиально. В древности, например, эмоциональная реакция (аффект) на оскорбления удельными правителями друг друга была более медленной и менее яркой из-за больших расстояний. Она не играла принципиальной роли в отношениях между этносами – чаще интересы определялись экономической выгодой, политическими амбициями или религиозными предрассудками. Почти то же можно было наблюдать и в «аналоговую» эпоху, когда информация передавалась в основном с помощью почты, телефона и телеграфа.

Сегодня же любое неосторожное неодобрительное или агрессивное высказывание первых лиц государства или их представителей становится достоянием всего населения планеты за считанные минуты. Это означает, что общение людей, проживающих в разных ее частях, превращается из опосредствованного фактически в непосредственное. В этом случае, находясь на расстоянии десятков тысяч километров, люди общаются и выясняют отношения друг с другом точно так же, как это было бы, если бы они находились лицом к лицу в одной комнате, причем в тот момент, когда за этим наблюдает многочисленная аудитория. Перед наблюдающими стыдно упасть в грязь лицом, сложно идти на компромиссы, так как тебя могут обвинить в слабости или политическом безволии.

Во многих случаях достоинство становится определяющим фактором взаимоотношений. В современном мире благодаря техническому прогрессу психологические механизмы начинают работать намного интенсивнее и быстрее. Поэтому в более значительной степени проявляются все психологические феномены, которые еще совсем недавно не были актуальными на глобальном уровне, включая феномен ценностно-аффективной поляризации.

Для психологии, особенно для ее психоаналитических направлений, всегда было характерным осмысливать глобальные явления на основе теорий, разработанных на материале анализа личности и группы, поскольку и отдельные люди, и группы, и общество в целом являются субъектами некоей преобразующей деятельности, а значит, во многом их действия совпадают и по форме, и по содержанию. В этом случае за основу берутся какие-то достаточно простые модели мышления, поведения, мотивации и пр. Например, у З. Фрейда – это принцип удоволь-

ствия, у К. Г. Юнга – коллективное бессознательное, у К. Хорни – чувство страха, у А. Адлера – чувство неполноценности и т. д. В нашем случае в качестве такого общего основания могут рассматриваться высшие социальные эмоции, а именно чувства стыда, гордости и собственного достоинства [Лебедев, Гордякова 2020; Tomkins 1962].

В рамках этой модели объяснение находят такие явления, как поляризация ценностей, приверженность собственной позиции и нежелание от нее отказываться независимо от доказательности и очевидности аргументов оппонентов. Получает объяснение переход ценностной поляризации в аффективную и т. д. В этом случае мы начинаем понимать психологический смысл многих сложных общественных явлений современной жизни. Например, сложность решения проблемы прекращения боевых действий на Украине, причины противостояния власти и оппозиции в Белоруссии, отсутствия демократии в Узбекистане, Таджикистане, Северной Корее и, разумеется, сложности формирования планетарного мышления в целом.

Формирование планетарного мышления оказывается затрудненным потому, что для решения этой проблемы людям нужно признать, что многие их ценности не абсолютны, что они самолюбивы и не могут пожертвовать собственным достоинством, простить нанесенные им когда-то обиды и пр. И пока психология не установит, как решать такие проблемы на уровне отдельных людей и малых социальных групп, она, к сожалению, не сможет дать ответы на вопросы о том, как эту психологическую проблему следует решать на уровне планеты в целом. Тем не менее оптимизм здесь правомерен, поскольку все больше ученых-психологов начинают интересоваться глобальными проблемами современности, что постепенно формирует такое направление в науке, как психология глобальных процессов и планетарного мышления [Журавлев, Юревич 2009; Нестик, Журавлев 2018; Лебедев 2020].

Литература

- Выготский Л. С. Мышление и речь. СПб. : Питер, 2019.
- Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1989.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В. Макропсихология современного российского общества. М. : ИП РАН, 2009.
- Кант И. Основы метафизики нравственности: в 6 т. М. : Мысль, 2001.
- Лебедев А. Н. Критическое мышление и чувства в саморазвитии личности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3(114). С. 97–107.
- Лебедев А. Н. Роль дискуссии в развитии научного знания // Психологическое знание: виды, источники, пути построения / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М. : ИП РАН, 2021. С. 195–216.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации // Социальная и экономическая психология. 2019. № 3. С. 22–45.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Высшие социальные эмоции потребителей в системе маркетинговых коммуникаций // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4(20). С. 218–245.

- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М. : Академический проект, 2020.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М. : ИП РАН, 2018.
- Поддьяков А. Н. Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 1. С. 28–41.
- Тайлор Э. Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев. М. : Академический проект, 2021.
- Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.
- Докинз Р., Харрис С., Хитченс К., Деннет Д. Четыре всадника. Революция атеистов. М. : Эксмо-Пресс, 2020.
- Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.
- Чумаков А. Н., Штарк Л. П. Римский клуб: к итогам полувекковой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4(32). С. 40–49.
- Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J. M. Cross-Country Trends in Affective Polarization // NBER Working Paper. 2020. No. w26669 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (дата обращения: 11.09.2021).
- Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J. B. Affective Polarization, Local Contexts and Public opinion in America // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. Pp. 28–38.
- Harari Y. N. Sapiens: A Brief History of Humankind. Great Britain. London : Vintage Books, 2011.
- Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. 2019. Vol. 22. No. 1. Pp. 129–146.
- Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс] : Frontiers in Political Science. 2021. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512> (дата обращения: 10.08.2021).
- Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
- Kahneman D., Tversky A. Choices, Values and Frames. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Moscovici S., Zavalloni M. The Group as a Polarizer of Attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Vol. 12. No. 2. Pp. 125–135.
- Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a Consistent Minority on the Responses of a Majority in a Color Perception Task // Sociometry. 1969. Vol. 32. No. 4. Pp. 365–380.
- Myers D. Social Psychology. Boston : McGraw-Hill College, 1999.
- Tomkins S. Affect Imagery Consciousness. New York : Springer, 1962.
- Van S., Lyn M. Extreme Members and Group Polarization // Social Influence. 2009. Vol. 4(3). Pp. 185–199.

Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения: 09.09.2021).

References

- Vygotskiy L. S. Myshleniye i rech' [Thinking and Speech]. St. Petersburg : Piter, 2019.
- Dekart R. Sochineniya v dvuh tomah [Works in Two Volumes]. Vol. 2. Moscow : Mysl', 1989.
- Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Makropsihologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Macropsychology of Modern Russian Society]. Moscow : Institute of Psychology RAS, 2009.
- Kant I. Osnovy metafiziki nravstvennosti [Fundamentals of the Metaphysics of Morality]: in 6 vols. Moscow : Mysl'. 2001.
- Lebedev A. N. Kriticheskoe myshlenie i chuvstva v samorazvitiy lichnosti [Critical Thinking and Feelings in the Self-development of Personality] // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2020. No. 3(114). Pp. 97–107.
- Lebedev A. N. Rol' diskussii v razvitiy nauchnogo znaniya [The Role of Discussion in the Development of Scientific Knowledge] // Psihologicheskoe znanie: vidy, istochniki, puti postroyeniya [Psychological Knowledge: Types, Sources, Ways of Construction] / ed. by A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow : Institute of Psychology RAS, 2021. Pp. 195–216.
- Lebedev A. N., Gordyakova O. V. Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva i fenomen psihologicheskoy polarizatsii [The Psychological State of Society and the Phenomenon of Psychological Polarization] // Sotsial'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. No. 3. Pp. 22–45.
- Lebedev A. N., Gordyakova O. V. Vysshie sotsial'nye emotsii potrebiteley v sisteme marketingovykh kommunikatsiy [Higher Social Emotions of Consumers in the Marketing Communications System] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. Vol. 5. No. 4(20). Pp. 218–245.
- Lévy-Bruhl L. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking]. Moscow : Akademicheskii proekt, 2020.
- Nestik T. A., Zhuravlev A. L. Psihologiya global'nyh riskov [Psychology of Global Risks]. Moscow : Institute of Psychology RAS, 2018.
- Podd'yakov A. N. Dopustimo li solgat' zloumyshlenniku, chtoby pomeshat' prestupleniyu: analiz istoricheskoy polemiki [Is it Acceptable to Lie to a Malefactor in Order to Prevent a Crime: Analysis of Historical Polemics] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2011. Vol. 7. No. 1. Pp. 28–41.
- Tylor E. Pervobytnaya kul'tura. Issledovaniya razvitiya mifologii, filosofii, religii, iskusstva i obychayev [Primitive Culture : Researches into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art, and Custom]. Moscow : Akademicheskii proekt, 2021.
- Frazer G. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. Vol. 2. Moscow : TERRA – Knizhnyy klub, 2001.
- Hitchens K., Dawkins R., Harris S., Dennet D. Chetyre vsadnika. Dokinz, Harris, Hitchens, Dennet [The Four Horsemen. The Conversation that Sparked an Atheist Revolution]. Moscow : Eksmo-Press, 2020.

Chumakov A. N. Kul'tura i vyzovy globalizatsii: novye podhody [Culture and Challenges of Globalization: New Approaches] // Vek globalizatsii. 2011. No. 2(8). Pp. 174–180.

Chumakov A. N., Shtark L. P. Rimskiy klub: k itogam poluvekovoy deyatel'nosti [The Roman Club: Towards the Results of Half a Century of Activity] // Vek globalizatsii. 2019. No. 4(32). Pp. 40–49.

Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J. M. Cross-Country Trends in Affective Polarization // NBER Working Paper. 2020. No. w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (accessed: 11.09.2021).

Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J. B. Affective Polarization, Local Contexts and Public Opinion in America // Nature Human Behaviour. 2021. Vol. 5. Pp. 28–38.

Harari Y. N. Sapiens: A Brief History of Humankind. London : Vintage Books, 2011.

Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. 2019. Vol. 22. No. 1. Pp. 129–146.

Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic: Frontiers in Political Science. 2021. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512> (accessed: 10.08.2021).

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.

Kahneman D., Tversky A. Choices, Values and Frames. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Moscovici S., Zavalloni M. The Group as a Polarizer of Attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. Vol. 12. No. 2. Pp. 125–135.

Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a Consistent Minority on the Responses of a Majority in a Color Perception Task // Sociometry. 1969. Vol. 32. No. 4. Pp. 365–380.

Myers D. Social Psychology. Boston : McGraw-Hill College, 1999.

Tomkins S. Affect Imagery Consciousness. New York : Springer, 1962.

Van S., Lyn M. Extreme Members and Group Polarization // Social Influence. 2009. Vol. 4(3). Pp. 185–199.

Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (accessed: 09.09.2021).